

СТАТЬИ

А.В. Белова

РУССКАЯ ДЕВУШКА-ДВОРЯНКА: СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (XVIII – середина XIX вв.)*

Цель статьи – исследование девичества как одного из этапов жизненного цикла в российской дворянской среде XVIII – середины XIX вв. через изучение антропологических аспектов женской телесности, сексуальности, особенностей поиска и осознания гендерной идентичности в контексте исторической этнологии и антропологии, истории повседневности, женской и гендерной истории. Анализ субъективных источников (женских писем, дневников, автобиографий, мемуаров), выражающих грань внутриспсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения, показывает, что в особенностях прохождения именно этого этапа часто коренилась причина неудач последующих жизненных сценариев. Нас прежде всего интересует артикулирование дворянскими девушками себя посредством самопрезентации в письмах и автобиографиях, поиск ими собственной идентичности, но, вместе с тем, и реализуемый в период девичества механизм социального конструирования гендера.

Девичество относится к тем этапам жизненного цикла женщины, которые широко представлены в научной литературе применительно к разным социальным общностям и эпохам¹. При этом изучение «девичества» дворянских девушек в императорской России составляет видимое исключение. Проблема девичества как культурно-антропологического феномена, считавшаяся прерогативой этнографов, не попадала в поле зрения историков, а этнографы, в свою очередь, не интересовались дворянством, не маркируемым ими в качестве носителя традиционной культуры. В то же время исследовательский вакуум применительно к данной проблеме во многом объясняется и квазихрестоматийностью образа «барышни» – излюбленного конструкта русской классической литературы XIX в., – подменявшего своей мнимой очевидностью возможный научный анализ. Увоенные со школьной скамьи стереотипы, на которые за неимением других столь же

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Тверской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Провинциальная дворянская и чиновничья семья в XIX – начале XX века», проект № 05-01-57105а/Ц.

признаваемых образцов, едва ли не до настоящего времени вынуждены были опираться многие поколения российских и советских девушек в процессе осознания собственной идентичности, делают «невидимым» дворянское девичество в России как предмет исторического и этнологического исследования. Литературные образы, будучи репрезентацией «мужского взгляда» на девушку-дворянку, воспроизводили мысли, чувства, переживания, мотивации, которые, с точки зрения авторов-мужчин, якобы должны были быть ей присущи.

Девичество – жизненный этап между «детством» и «зрелостью», а фактически замужеством, поскольку в отношении дворянства справедливо утверждение этнографов о решающем значении при определении статуса женщины «в любом слое «доэмансипированного» общества» разделения ее жизни на добрачную и замужнюю². К середине XIX в. дворянскую девочку до 5-ти лет уже называли «маленькой барышней»³, затем к девочкам и девушкам самого разного возраста⁴ применялась номинация «барышня»⁵, причем достигшие 15 лет считались «взрослыми барышнями»⁶, что, очевидно, свидетельствовало о вступлении их в новую фазу жизненного цикла – девичество. Наименование «барышня» имело, помимо возрастной, еще и социальную коннотацию, указывая на девочку именно дворянского происхождения⁷. «Воспитать как барышню»⁸ означало «содержать, как должно благородной девушке быть»⁹.

Сами мемуаристки XVIII – XIX вв. называли девичество «молодостью»¹⁰ (иногда «юностью»¹¹), интерпретируя его в контексте формирования собственной идентичности, а себя в этом возрасте – «девучками»¹², «девками»¹³, «девицами»¹⁴, «молодыми особами»¹⁵. Условной возрастной границей детства следует считать 12–14 лет¹⁶, когда девочки вступали в пубертатный период и им могла быть присуща характерная для «переходного» возраста своеобразная «неустойчивость» идентичности. Выражая, например, эмоциональную реакцию на одно и то же событие – несправедливое, с ее точки зрения, наказание («стать в угол»¹⁷ за чтение книги, что было «строго-настрога запрещено» без предварительного прочтения ее гувернанткой¹⁸) – юная дворянка в этом возрасте воспринимала себя одновременно то как «большую двенадцатилетнюю девицу», то как «бедную маленькую девочку»¹⁹. «Кавалерист-девица» Н.А. Дурова (1783 – 1866) считала, что с 14 до 16 лет она дважды переживала своего рода смену идентичности: от «Ахиллеса в женском платье» к «скромному и постоянному виду, столько приличествующему молодой девице» и обратно²⁰.

Возрастные рамки девичества, сильно варьировавшие в разных странах и в разные эпохи в зависимости от изменения принятого возраста вступления в брак²¹, не отличались постоянством и в дворянской России в исследуемый период. В целом, можно говорить о распространенности раннего замужества дворянок, причем вплоть до 80-х гг. XVIII в. обычный для них возраст начала matrimониальных отношений – 14–16 лет²² (иногда даже 13 (!)²³),

на рубеже XVIII – XIX вв. – 17–18²⁴, к 30-м гг. XIX в. – 19–21²⁵. Во второй четверти XIX в. уже встречались первые браки, заключенные в более зрелом возрасте – на третьем и даже четвертом десятилетиях жизни дворянок²⁶. По мере повышения брачного возраста границы девичества расширялись. Соответственно, для незамужних дворянок верхний рубеж этого этапа жизненного цикла формально оставался открытым, что выражалось в сохранявшейся за ними по выходе из возрастной категории собственно «взросления» юридической номинации «девица»²⁷, а также в социально предписываемом обозначении «старая дева»²⁸ или «старая девушка»²⁹.

Представление о легитимации зрелости исключительно посредством замужества претерпело определенные изменения только у «девушек шестидесятих годов»³⁰ XIX в., да и то это касалось их внутренних установок, а не доминировавших общественных взглядов. Процесс взросления уже не сводился для них к превращению в социально ожидаемую «востребованную» невесту, а выражался в обретении профессиональной пригодности³¹ и сопрягаемой с ней финансовой независимости³². Качественный рубеж между детством и девичеством ассоциировался с преодолением пассивной роли обучаемой ученицы и позиционированием себя в качестве активного субъекта, нацеленного на самореализацию и осуществление выбора на акциональном уровне³³. Некоторым современникам-мужчинам казался «привлекательным» новый «тип серьезной и деловитой девушки», который «в обществе родился», однако появление этого типа требовало от них выработки новой модели поведения по отношению к таким женщинам, в том числе и речевого³⁴.

До эпохи буржуазной модернизации девичество как жизненный этап осмыслялось в терминах социально навязываемого ожидания «решения участи», отождествлявшейся исключительно с замужеством³⁵. Считалось, что и получение образования и даже придворная карьера – всего лишь подготовительные стратегии достижения главной жизненной цели женщины, а именно выхода ее замуж. Не случайно женское среднее образование, в частности институтское, не имело профессиональной востребованности. Женские институты, созданные с целью формирования в России «новой породы матерей» и выполнявшие функции социального призрения для девочек-сирот и дочерей неимущих или малоимущих дворян, представляли свой конечный продукт как обладающих светскими манерами потенциальных домашних хозяек. Так, в одном из стандартных свидетельств об окончании Смольного института за 1812 г. говорилось: «...Благородная девица Аграфена Васильевна Мацкевичева как в поведении приличном благовоспитанным, и в приобретении знаний, наук и рукоделий соответственных ей полу с касающимися до нужного домоводства упражнениями, своим вниманием и прилежанием достигла до отменного успеха...»³⁶.

Лучшие выпускницы по окончании института получали так называемый «шифр»³⁷ – «золотой, украшенный бриллиантами вензель императри-

цы под короной на банте из андреевской ленты»³⁸ – и могли рассчитывать на придворную карьеру фрейлины с последующей перспективой опять-таки «составить блестящую партию»³⁹. Именно поэтому многие дворянки ценили фрейлинский шифр не как признание образовательных достижений, индивидуальных заслуг, публичного статуса, а как способ устранения финансовых препятствий к замужеству. По словам В.Н. Головиной (1766 – 1819), ее «belle-soeur»⁴⁰, княгиня Голицына, «хотела, чтобы ее старшая дочь получила шифр, потому что с этим отличием связывалось приданое в двенадцать тысяч рублей»⁴¹.

Вместе с тем на рубеже XVIII – XIX вв. в среде провинциального дворянства все еще был распространен «мужской» взгляд на женское образование как на недостойную альтернативу замужеству. Е.А. Сабанеева вспоминала, что ее прадед «за порок считал, чтоб русские дворянки, его дочери, учились иностранным языкам»: «Мои дочери не пойдут в гувернантки... Они не бесприданницы; придет время, повезу их в Москву, найдутся женихи для них»⁴². Получение образования воспринималось как своего рода вынужденная «стратегия выживания» для дворянок с низким уровнем материального достатка, которые в силу этого не могли рассчитывать на выход замуж, то есть на реализацию нормативного жизненного сценария.

В условиях дворянского образа жизни взросление как «отделение от родителей»⁴³, отрыв от родительской семьи в большинстве случаев были для девушек травмирующим обстоятельством. Главная причина состоит в «неплавности» этого перехода, который не был эмоционально-психологическим обособлением при сохранении позиции дочери внутри семьи, а выражался, вследствие раннего замужества, в «неожиданном» оставлении «своей», «защищающей», семьи и включении в «новую», «пугающую» неизвестность⁴⁴. И, вместе с тем, – в резкой смене функциональных ролей: превращении из дочери в жену, что при отсутствии у девушек сформированных навыков отстаивания собственной идентичности и при объективном старшинстве супруга по возрасту означало принятие роли дочери по отношению к мужу. Кроме того, все социальные позиции, которые разделяла дворянская девушка, – и дочери, и жены, и невестки, – были связаны с подчинением чьей-то власти. Вследствие замужества менялся лишь источник этой власти. Так, мать А.Е. Лабзиной (1758 – 1828) внушала ей накануне свадьбы: «И ты уж не от меня будешь зависеть, а от мужа и от свекрови, которым ты должна беспредельным повиновением и истинною любовью. Уж ты не от меня будешь принимать приказания, а от них. Моя власть над тобою кончилась, а осталась одна любовь и дружеские советы»⁴⁵.

Причем часто речь шла о разнице в возрасте супругов в 10–20 лет. Но она могла быть и большей. Даже история А.П. Керн (1800 – 1879), выданной замуж в 16 лет за 52-летнего, как она писала, «безобразного старого генерала»⁴⁶, выглядит не столь впечатляющей, как другая – история «красавицы Евдокии» Прончищевой. Ее, спешно увезя из Москвы в деревню, отец

«выдал замуж за князя Якова Алексеевича Несвицкого, человека богатого, но мало подходящего ей по летам: ей было семнадцать, а супругу ее под семьдесят». И лишь потому, что она «своей красотой обратила на себя внимание государя»⁴⁷.

Взросление дворянских девушек, особенно в семьях провинциального дворянства, можно назвать «запаздывающим» ввиду, во-первых, высокой степени эмоционально-психологической зависимости их от родителей и семейного круга даже в возрасте старше 20 лет⁴⁸ и, как следствие, дефицита опыта самостоятельного выстраивания межличностных отношений, во-вторых, тотального контроля со стороны взрослых и жестких ограничений свободы поведения (как на акциональном, так и на вербальном уровне) и самовыражения, в-третьих, сексуальной «непросвещенности» и, следовательно, отсутствия рефлексии собственной сексуальности, а, значит, и понимания изменений своей телесности и влияния этих изменений на поиски собственной идентичности.

В крестьянской культуре, в отличие от дворянской, сложился определенный адаптивный механизм перехода от дочери-девушки к жене-женщине. Основными составляющими этого механизма были: ритуал, участие в «девичьих беседах», приобретение навыков выстраивания отношений со сверстницами своего и сверстниками противоположного пола без присутствия взрослых, относительно лучшая осведомленность в сексуальных вопросах и большая свобода добрачного поведения и взаимоотношений полов.

Если в крестьянской среде добрачные общения между полами осуществлялось в окружении сверстников, то в дворянской – почти всегда в присутствии взрослых, в первую очередь родителей девушки, что являлось выражением формальных ограничений. Последние касались почти исключительно девушек-дворянок, поскольку дворянские юноши имели широкий спектр возможностей сексуального «просвещения» и более свободного проявления сексуального поведения до брака. Сюда относятся и «доступность» крестьянских и прочих «девок» (или «распутных девок», как называли их дворянки⁴⁹,) в качестве сексуальных объектов в условиях усадебного и городского быта⁵⁰, и участие в специфических формах крестьянского досуга в походных условиях жизни дворянина-военного⁵¹.

Механизм взросления, в том числе обретения собственной сексуальности, существенно различался у дворянских юношей и девушек. Первые, в отличие от вторых, всегда имели в своем распоряжении необходимые источники информации в лице крепостных из ближайшего окружения обоего пола⁵². Для дворянских девушек любая информация на сексуальную тему блокировалась, вплоть до почти единственного «самоучителя» в виде романов. А.Е. Лабзина вспоминала, что, живя в Петербурге в доме «благодетеля» М.М. Хераскова, будучи уже замужем (хотя ей шел только «пятнадцатый год») она тем не менее читала ту литературу, которую ей «давали, а не сама выбирала» (очевидно, ее воспринимали, невзирая на замужество, в

соответствии с возрастом как девушку): «К счастью, я еще не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего. Случилось, раз начали говорить о вышедших вновь книгах и помянули роман, и я уж несколько раз слышала. Наконец спросила у Елизаветы Васильевны, о каком она все говорит Романе, а я его у них никогда не вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются, “но тебе их читать рано и не хорошо”»⁵³.

Отношение к чтению девушками романов практически не менялось на протяжении почти ста лет – с 70-х гг. XVIII в. по 60-е гг. XIX в. С.В. Ковалевской (1850 – 1891), которая девушкой не раз «переживала с героиней прочитанного украдкой романа самые сложные психологические драмы», было тем не менее «строго-настрого запрещено касаться» в домашней библиотеке «соблазнительных томиков иностранных романов», не относившихся к «дозволенному чтению», и неоднократно приходилось «переносить» наказания за нарушения этого запрета⁵⁴.

Представительницы старшего поколения также не посвящали молодых дворянок в сексуальную сторону отношений между супругами не только накануне замужества, но даже при наличии проблем в этой области после заключения брака. Свекрови юной и неискушенной А.Е. Лабзиной, лично убедившейся в сексуальной связи сына с его племянницей и отсутствии у него супружеских отношений с женой, и в голову не пришло поговорить с невесткой о существовании подобных отношений, о которых та, в силу слишком раннего брака и благочестивого воспитания, даже не подозревала («Я тогда не знала другой любви...»⁵⁵), и о том, как их наладить⁵⁶.

В то же время при попадании дворянских девушек в ситуации, из которых они могли бы «извлечь выгоду» для собственного сексуального «просвещения» (например, невольное созерцание сцены любовного флирта или обнаженной античной скульптуры), последнему препятствовали внутренние блокирующие механизмы («стыд», «стыдливость»)⁵⁷. Очевидно, над ними довлело представление о телесном и сексуальном как о постыдном, внушенное в процессе воспитания (сексуальные отношения, называемые юношами «обыкновенными натуральными действиями»⁵⁸, девушки именовали «скотской любовью»⁵⁹). Причем в качестве мотивации выступали не столько общие для всех этические требования религии, сколько социальные предписания по признаку пола. Не случайно дворянскими юношами «стыдливость» преодолевалась гораздо легче, чем девушками⁶⁰.

Вместе с тем элементом той же воспитательной стратегии было приучение дворянских девушек к терпеливому перенесению боли. Если считать это универсальной тенденцией, характерной для разных времен и культур, то к данному ряду, с мотивацией превращения женской телесности в объект мужского сексуального внимания, следует отнести и многочисленные практики «перделки» женского тела: от китайского обычая бинтования ног до европейской традиции ношения жесткого корсета. В воспомина-

ниях баронессы В.-Ю. Крюденер (1764 – 1824), отмечавшей стремление своей матери в отношении дочерей «внушить желание стойко переносить физические страдания»⁶¹, есть характерное замечание: «Во время болезней и при сильных болях за нами ухаживали, но никогда ни единая жалоба не срывалась с наших уст, ибо мать напоминала нам мягко и с улыбкой, но властно, что женщинам суждено испытывать сильную боль»⁶². Еще в детстве девочкам устраивали своеобразный «тренинг» на выносливость, нацеливая их на психологическое снижение чувствительности к боли.

Мемуаристки вспоминали «корректировки» тела, пережитые ими в детстве: от прививания через битье привычки к «прямохождению»⁶³ до практически спартанского «укрепления тела» через перенесение «грубой пищи», холода без теплой одежды, физических нагрузок, ограничения сна, своеобразного закаливания⁶⁴. Все это девочки должны были вытерпеть для того, чтобы соответствовать социокультурным «требованиям», предъявляемым к женской внешности, или быть готовыми к не слишком обеспеченному замужеству, а то и замужеству в походных условиях⁶⁵.

Вместе с тем в подобных установках имплицитно содержалась ориентация девушек на деторождение как некую внешнюю заданность и отождествление жизненного пути женщины с выполнением репродуктивной функции. Роды становились моментом своеобразной «инициации», когда женщине следовало реализовать внушавшийся ей с детских лет и так или иначе накопленный опыт безропотного перенесения той самой, «сильной», а именно родовой, боли.

При том что дворянским девушкам внушались идеи замужества и репродукции как женского предназначения, что в них воспитывали взгляд на себя как на объект мужского внимания, в том числе и сексуального, хотя в большинстве случаев это выражалось эвфимистически, в них сознательно блокировалось обретение и развитие собственной сексуальности: семья, культура и общество всячески препятствовали превращению их «детских» тел в «сексуальные». Из дворянской девушки формировали женщину-ребенка, не осознающую ни своего тела, ни собственной сексуальности, ни, следовательно, собственной идентичности. Только пройдя через «жернова» брачного опыта, не всегда удачного, многочисленные беременности⁶⁶, но, вместе с тем, и обретение собственной телесности, некоторые дворянки совершали «удачный» выход из подросткового периода и уже на новом уровне осознания себя вступали в более равноправные и гармоничные отношения в новом браке (примеры повторных браков А.Е. Лабзиной, А.П. Керн-Марковой-Виноградской, Н.Н. Пушкиной-Ланской и других). По отношению к своим вторым мужьям они уже не были женщинами-детьми, а воспринимались ими так, как ощущали себя – состоявшимися зрелыми женщинами. Некоторым же дворянкам так и не удавалось «извлечь преимущества» из маргинальности собственного неудачного пубертата, освободиться от потерпевшего крах опыта первой любви и они медленно угасали в срав-

нительно молодом возрасте (например, Л.А. Бакунина – в 27 лет⁶⁷, Н.И. Дурова – в 35 лет⁶⁸), принадлежа к тому поколению молодых женщин, которые, по словам Е. Полюды, «чувствовали себя обязанными хранить верность своей первой любви или умирать, если любовь терпит фиаско (как Джульетта или Русалочка в сказке Андерсена)»⁶⁹. По сути, практически вся женская автобиографическая традиция – это история «состоявшегося» или «несостоявшегося» пубертата.

Не только дворянские девушки не стремились к избавлению «от материнской зависимости»⁷⁰, но и матери не спешили отпускать их от себя, порождая, тем самым, сложности в отношениях, особенно со старшими дочерьми. «Столкновение между матерью и дочерью» Е. Полюда объясняет «разрушением границ между поколениями при наступлении половой зрелости дочери»⁷¹. Раннее замужество матерей и, соответственно, раннее рождение первых дочерей, разница в возрасте между ними менее 20 лет (16, 17, часто 18) приводили к тому, что в известное время и те (еще), и другие (уже) оказывались в пределах репродуктивного возраста, однако дочери воспринимали положение матерей как преимущественно по сравнению с собственным. Неопытность, а часто и полная неосведомленность в вопросах взаимоотношения полов⁷², жесткий социальный контроль за вербальным и сексуальным поведением незамужних девушек⁷³, действительно, ставили матерей в более выигрышную позицию, не только ввиду большей искушенности в сексуальной сфере и меньшего опасения забеременеть, но и вследствие допустимости более раскованного коммуникативного поведения для взрослой, побывавшей замужем женщины. Не случайно и П.А. Осипова (1781–1859), и А.П. Керн, как явствует из писем и мемуаров, составляли прежде всего вербальную конкуренцию своим дочерям в общении с мужчинами, проявлявшими к ним интерес. В условиях замкнутости усадебной жизни, ограниченности круга общения⁷⁴ и дефицита потенциальных женихов поколение старших дочерей испытывало ощущение безотчетной угрозы своим матримониально-репродуктивным интересам (своего рода сублимированной сексуальности, поскольку сексуальность вне контекста брака и рождения детей ими не мыслилась) со стороны матерей, обладавших к тому же еще и имущественной состоятельностью. В рамках полных семей подобные переживания сохранялись на уровне архетипически обусловленных фобий: отец, персонифицирующий мужчину, способного к браку в данном локальном пространстве (дворянской семье), уже «занят» матерью.

Естественно, разрешением репродуктивного «конфликта поколений», имплицитного сексуального «соперничества» оказывавшихся одновременно в пределах детородного периода далеко не пожилой матери и ее взрослой дочери, в условиях дворянской жизни с четко закрепленными семейными ролями (когда мать и дочь невозможно представить «подругами»), а их общение строилось отнюдь не «на равных») могло быть только еще более жесткое акцентирование существующих гендерных ролей и позиций посред-

ством их властного маркирования. Внутренняя мотивация «устранения соперницы» вынуждала «молодых» матерей не признавать наступившей «зрелости» старшей дочери, что выражалось в «сопротивлении» ее переходу из категории детей в категорию взрослых. Об этом свидетельствует усиление властного нажима со стороны матерей именно на взрослых девушек и ужесточение диктата по отношению к ним, публичная демонстрация материнской власти над дочерью как возможности произвольного манипулирования ею.

Хорошо известен эпизод соперничества между П.А. Вульф-Осиповой и ее дочерью А.Н. Вульф (1799 – 1857), рожденной ею в 18 лет, не вышедшей замуж и не рожавшей, за расположение А.С. Пушкина. А.Н. Вульф писала А.С. Пушкину в начале марта 1826 г.: «Вчера у меня была очень бурная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь, что я должна остаться и она никак не может меня (26-летнюю дочь!) – А. Б.) взять с собою... Если бы вы знали, как я опечалена! Я право думаю, как и А. К. (Анна Керн. – А. Б.), что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь... Я страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина!.. Я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно не попало в руки мамы...»⁷⁵.

Ситуация, в которой мать в присутствии всех родственников заявляет, что «оставляет» 26-летнюю дочь, так как не может «взять» ее с собой, кодирует девушку как «ребенка», как существо пассивное, лишенное собственного волеизъявления и подчиняющееся решениям родителей. При том что любое представление девушки как «малого, неразумного ребенка»⁷⁶ всегда воспринималось особенно болезненно. Преднамеренное удержание взрослой дочери в позиции «дети» символизирует отказ матери от собственного перехода в иную возрастную и ролевую категорию, таящую для нее угрозу утраты обретенной и осознанной сексуальности.

Тем не менее в мужской мемуарной традиции можно встретить альтернативные свидетельства о телесном, сексуальном «взрослении» дворянских девушек в том случае, если речь шла о взаимной симпатии близких по возрасту молодых людей и нахождении их в ситуациях «ослабленного» контроля со стороны старшего поколения. Дворянских юношей, которым было хорошо известно «принятое обыкновение, требующее от девицы строгого воздержания», подобный запрет мало сдерживал. Вместе с тем дефлорация обозначалась ими в этических терминах – «сделать несчастною», «нарушить девичью драгоценность», «ввергнуть в поношение». Причем, некоторые мемуаристы (как, например, М.П. Загряжский) всячески подчеркивали полную готовность дворянских девушек, с которыми они «шалберили», вступить в добрачные отношения, приписывая недопущение этого лишь собственному благоразумию⁷⁷.

О возможности добрачных связей дворянок также свидетельствуют не собственно женские письма, мемуары, дневники, литературные произ-

ведения, а мужская obscene поэзия, вышедшая, например, из юнкерской среды 30-х гг. XIX в.⁷⁸ Трудно с уверенностью судить о достоверности данного источника, который по жанру мог выдавать желаемое за действительное, будучи проекцией тайных юношеских мечтаний. Скорее всего как раз намеренная вербализация ситуации межполовых сексуальных контактов до брака, вербальное снятие культурного запрета, демонстративное отрицание социальной и сексуальной нормы и абсолютизация девиации являлись следствием реальной недопустимости добрачных связей дворянской девушки. Кроме того, описываемые юнкерской скабрёзной поэзией варианты утраты барышнями невинности могут рассматриваться как проявления мизогинии, присущей не только этим, но и другим произведениям, бытовавшим обычно в исключительно мужской среде.

Н.Л. Пушкаревой при анализе эго-документов дворянок XVIII – начала XIX вв. не удалось выявить «ни одного случая добрачной беременности и рождения ребенка до замужества»⁷⁹. Правда, она не отрицает полностью саму гипотетическую возможность таких ситуаций, не фиксируя их по этическим соображениям, но, сопоставляя данные о дворянках со сведениями о крестьянках и представительницах городского населения, среди которых такие случаи как раз зафиксированы, утверждает, что именно у дворян «представление о «позорности» наживания детей до брака укрепились»⁸⁰. Вероятно, опасения забеременеть могли быть, наряду с моральными предписаниями и религиозными убеждениями, а точнее в их контексте, эффективным фактором предостережения дворянок от вступления в добрачные связи. Однако останавливали они не всех.

Свидетельства добрачных беременностей в женских субъективных источниках все-таки встречаются, правда, когда речь идет не о «своем», а о «чужом» опыте. Придворная среда, где коммуникативные связи между полами отличались большей регулярностью и интенсивностью, чем, например, в усадебной жизни, не исключала случаев беременности молодых фрейлин от более старших женатых придворных. Екатерина II вспоминала, что в бытность ее великой княгиней «до сведения императрицы дошла любовная интрига Чоглокова с одною из... фрейлин Кошелевою, которая от него забеременела»⁸¹. Последствия данного «инцидента», с точки зрения мемуаристки, оказались неожиданными для всех знавших о нем: несмотря на активное осуждение адюльтера, «неверный» муж сохранил свои придворные позиции, в то время как его беременной возлюбленной «велели ехать к дяде, обергофмейстеру Шепелеву»⁸². При том, что в данном случае горячей защитницей мужа перед Елизаветой выступила, как ни странно, «обманутая» им жена, к тому времени мать шестерых его детей⁸³, принятое решение содействовало укреплению стереотипа более строгого порицания добрачной беременности женщины по сравнению с супружеской изменой мужчины. В середине XIX в. скандальную огласку в светских кругах Петербурга получила добрачная связь Е.А. Денисьевой (1826 – 1864), племянницы «зас-

луженной инспектрисы» Смольного института А.Д. Денисьевой (? – 1880), с Ф.И. Тютчевым (1803 – 1873)⁸⁴.

Таким образом, девичество как этап жизненного цикла в дворянской среде XVIII – середины XIX вв. было либо слишком коротким периодом при раннем замужестве, либо формально пролонгированным до конца жизни в случае официального безбрачия. При этом девичество было отмечено еще большей неполноценностью, чем детство, поскольку обременялось многочисленными социальными ожиданиями, от осуществления которых зависели в будущем статусы женщины – семейный, социальный, гендерный. Основным содержанием этих социальных ожиданий была «своевременность» реализации дворянской девушкой матримониального и репродуктивного «предназначения». Причем для окружающих юной дворянки девичество не имело самоценности как время ее внутреннего становления и обретения себя, формирования самооценки и начала самореализации.

Механизм социального конструирования гендера в период девичества характеризуется репрессивностью: ограничение доступа к информации (чтению, образованию), в том числе касавшейся взаимоотношений полов, жесткий контроль за акциональным и вербальным поведением и самовыражением, запрет на внепубличную устную и письменную коммуникацию с представителями противоположного пола, интериоризация представлений о постыдности телесного и сексуального вплоть до низведения сексуальных отношений до уровня недочеловеческих («скотская любовь»), предписание требований «строгого воздержания», соблюдения «девичьей драгоценности», гендерное понимание «чести» и «славы» в отношении девушки.

Несмотря на фиксируемые женской автодокументальной традицией переживания дворянками опытов конструирования собственной идентичности, им не удавалось избежать внушаемых стереотипов о жизненном пути как об «участи», в решении которой им отводится пассивная роль, об отождествлении «участи» женщины с замужеством, о «счастье» девушки как о ее невинности до брака, о предназначении как о деторождении. Внутренняя самооценка зачастую определялась внешними требованиями и реализацией внешних ожиданий.

Имело место явное противоречие между ориентацией девушки на замужество и деторождение, с одной стороны, и блокированием обретения и осознания ею собственной телесности и сексуальности – с другой. В то же время запрет на сексуальное «взросление» легко объясним тем, что сексуальность женщины считалась принадлежностью не ее, а мужчины, чьей женой она должна была стать. Речь, таким образом, идет о своего рода «отчужденной» сексуальности. В отсутствии ритуала, легитимирующего и вместе с тем облегчающего переход из девичества в зрелый возраст, задача «нормативной» культуры заключалась не в том, чтобы девушка обрела себя, осознала собственную идентичность, а в том, чтобы стала «привлекательным», востребованным «матримониальным продуктом». Тем самым закладыва-

лись предпосылки удержания девушки/женщины в подчиненной позиции как основы гендерного контракта, при котором сохранялись ориентация дворянок на получение преимущественно минимума образования, отсутствие профессиональной реализации, маргинализация женщин, предпринимавших внехозяйственную деятельность для обеспечения средств к существованию, осуждение добрачных связей, воспроизводство традиционной модели семейно-брачных отношений со старшинством и главенством, вплоть до «деспотизма», мужа, доходившего подчас до самых крайних негативных проявлений.

Женские письма свидетельствуют и о возможности физического насилия со стороны «развратного мужа»⁸⁵, доминировавшего в семье с позиции «грубой силы»: «...Мой муженек подбил мне глаза так что нельзя было недели две издому выдти...»⁸⁶; «А муж толко иснабжает меня ругательством да побоями денги свои последней взял сто рублей проживать да буянить толко иговорит что ему дела додому нет изнать ничево нехочет»⁸⁷; «...Имея свой собственной дом, не имею воли располагать им, с марта месяца живу с малютками в половине сестрицы Авдотьи Егоровны, а в свою не могу ступить одну ногою без побой и ругательств, а о пособия для пропитания моего с детьми и говорить нечего, ибо Вам известна развратная жизнь его»⁸⁸. Однако для части дворянок эти же факторы при определенных обстоятельствах становились основой поиска собственной идентичности, обретения себя в новом качестве, самостоятельной выработки более «удачной», с их точки зрения, жизненной стратегии.

Примечания

¹ Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70-90 годы XX века. М., 2002; Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001; и др.

² См., напр.: Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 32.

³ Ковалевская С.В. Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 10.

⁴ Например, в семье Лихаревых было 6 незамужних дочерей – Вера 5-ти, Елизавета 11-ти, Лидия 14-ти, Мария 17-ти лет, Юлия 21-го года и Анна 23-х лет, – которых родители, В.А. и А.М. Лихаревы, называли в переписке «барышнями» (Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 34, 35, 57, 57 об., 65об., 66 об.).

⁵ Лабзина А.Е. Воспоминания: Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 36; Сабанеева Е.А. Воспоминание о былом, 1770 – 1828 гг. // История жизни благородной женщины. С. 363; Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. С. 33, 38; Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 25, 29, 33; ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 29, 34, 35, 55, 56, 57, 57об., 65об., 66об.

⁶ Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 28.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ См.: Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 73; Она же. Повседневность русской провинциальной дворянки конца

XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 275–276.

⁹ Долгорукая Н. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991. С. 258.

¹⁰ Долгорукая Н. Указ. соч. С. 258–259; Лабзина А.Е. Указ. соч. С. 28; Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 47; Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине. М., 1987. С. 150.

¹¹ Сабанеева Е.А. Указ. соч. С. 335.

¹² Долгорукая Н. Указ. соч. С. 258.

¹³ Там же. С. 259.

¹⁴ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 34.

¹⁵ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Указ. соч. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 33, 367, 370.

¹⁷ Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Там же. С. 34–35.

²⁰ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 33, 35, 39.

²¹ Муравьева М.Г. Указ. соч. С. 82.

²² Долгорукая Н. С. Указ. соч. С. 265–266; Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Указ. соч. С. 354–355; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983. С. 8–9.

²³ Лабзина А.Е. Указ. соч. С. 27.

²⁴ Сабанеева Е.А. Указ. соч. С. 364; Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Указ. соч. С. 33.

²⁵ ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32. Л. 67; Ф. 1022. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Гроссман Л.П. Письма женщин к Пушкину. Подольск, 1994. С. 60.

²⁶ См.: Кунин В.В. Ольга Сергеевна Павлишева // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. Т. I. М., 1986. С. 45; Черейский Л.А. Пушкин и Тверской край. Калинин, 1985. С. 30.

²⁷ ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32. Л. 70, 84; Д. 66. Л. 1–7 об.; Д. 70. Л. 1–18; Д. 72. Л. 1–7; Д. 73. Л. 1–2 об. и др.

²⁸ Друзья Пушкина... Т. II. М., 1986. С. 388.

²⁹ Там же.

³⁰ Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 2002. С. 17.

³¹ Там же. С. 17.

³² Там же. С. 17.

³³ Там же. С. 18.

³⁴ Там же. С. 64.

³⁵ Лабзина А.Е. Указ. соч. С. 27, 28; Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 45, 61; ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 21, 33, 92.

³⁶ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 80.

³⁸ Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993. С. 68.

³⁹ Шепелев Л.Е. Придворные чины и звания в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. С. 161.

⁴⁰ Невестка (фр.).

⁴¹ Головина В.Н. Мемуары. М., 2005. С. 380.

⁴² Сабанеева Е.А. Указ. соч. С. 363.

⁴³ См.: Поллода Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. Вып. 3. М., 2003.

- ⁴⁴ *Сабанеева Е.А.* Указ. соч. С. 360; *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 28.
- ⁴⁵ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 28.
- ⁴⁶ *Керн (Маркова-Виноградская) А.П.* Указ. соч. С. 33, 371.
- ⁴⁷ *Сабанеева Е.А.* Указ. соч. С. 364.
- ⁴⁸ ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 70, 70 об.–71.
- ⁴⁹ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁰ *Данилов М.В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики... С. 316–317; *Загряжский М.П.* Записки (1770–1811) // Лица: Биографический альманах. Т. 2. М.; СПб., 1993. С. 92–93, 94; *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 64.
- ⁵¹ *Загряжский М.П.* Указ. соч. С. 109.
- ⁵² Там же. С. 92–93.)
- ⁵³ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 46.
- ⁵⁴ *Ковалевская С.В.* С. 32–34.
- ⁵⁵ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 67.
- ⁵⁶ Там же. С. 39–40.
- ⁵⁷ *Головина В.Н.* Указ. соч. С. 19–20.
- ⁵⁸ *Загряжский М.П.* Указ. соч. С. 92.
- ⁵⁹ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 60.
- ⁶⁰ *Головина В.Н.* Указ. соч. С. 19; *Данилов М.В.* Указ. соч. С. 316–317.
- ⁶¹ *Крюденер В.-Ю.* Воспоминания о детстве и юности // Баронесса Крюденер. Незданные автобиографические тексты. М., 1998. С. 100.
- ⁶² *Крюденер В.-Ю.* Указ. соч. С. 100; *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины II // Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1990. С. 9.
- ⁶³ *Долгорукая Н.С.* Указ. соч. С. 275.
- ⁶⁴ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 17–18.
- ⁶⁵ Там же. С. 17.
- ⁶⁶ Некоторые дворянки рожали по 15, 19, 20 раз и даже, как жившая в Тверской губернии Агафоклея Полторацкая, 22 раза (См.: *Капнист-Скалон С.В.* Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990. С. 283; *Ржевская Г.И.* Указ. соч. С. 35; *Вяземский П.А.* Московское семейство старого быта // Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 315; *Керн А.П.* Указ. соч. С. 355).
- ⁶⁷ См.: *Манн Ю.В.* В кружке Станкевича. М., 1983. С. 204–219.
- ⁶⁸ *Дурова Н.А.* Указ. соч. С. 38–39.
- ⁶⁹ *Поллюда Е.* Указ. соч. С. 125–126.
- ⁷⁰ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 39.
- ⁷¹ *Поллюда Е.* Указ. соч. С. 105.
- ⁷² См., напр.: *Лабзина А.Е.* С. 31, 38–39, 67.
- ⁷³ Послабления допускались только в отношениях с признанным в статусе официальной «жениха», которому разрешалось наносить частые визиты и даже оставаться наедине с девушкой («короткость обхождения»). Не случайно последующий отказ жениться расценивался как «безславию», «безчестие», «обезславление девушки» (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1–7об.), хотя «короткость обхождения» подразумевала часто всего-навсего разговоры с глазу на глаз без постороннего присутствия.
- ⁷⁴ *Гроссман Л.П.* Указ. соч. С. 35.
- ⁷⁵ Там же. С. 42–43.
- ⁷⁶ *Ковалевская С.В.* Указ. соч. С. 34.
- ⁷⁷ См.: *Загряжский М.П.* Указ. соч. С. 113, 143, 149.
- ⁷⁸ См., напр.: *Eros russe: Русский эрот не для дам.* 3-е изд., испр. Oakland, 1995. (1-е изд.: Женева, 1879). С. 63–64, 87–88.

⁷⁹ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997. С. 192.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Екатерина II. Указ. соч. С. 67.

⁸² Там же. С. 69.

⁸³ Там же. С. 68.

⁸⁴ Георгиевский А.И. Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство.

Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М., 1989. С. 110.

⁸⁵ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1749. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁸⁶ Там же. Л. 32.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Л. 53–53 об.